

услуг или льгот (в том числе неимущественного характера) от физических и юридических лиц.

В данное определение нами включены юридические лица, из чего следует, что нами предлагается внести их уголовную ответственность как субъектов коррупционных преступлений, создающих условия для ее развития (легализация финансовых средств, добытых преступным путем, предоставления «черного нала» для коррумпирования государственных служащих и т. д.).

Другой проблемой, вызывающей споры между правоведами, является институт предела необходимой обороны, установление которой считается крайне проблематичным. Из-за субъективизма при решении данного состава преступлений возможны ошибки и принятие судом несправедливых решений. Более того, этот институт ограничивает право граждан на самозащиту любыми доступными средствами и способами. Нами предлагается ликвидировать данный институт.

Таким образом, высказанные нами предложения позволяют сделать вывод о том, что обеспечение конституционных прав и законных интересов лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, невозможно без дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Казахстана, в первую очередь в области социальной адаптации и реабилитации осужденных.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

И. А. Цховребова, В. В. Цховребов

Научно-исследовательский институт криминалистики
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, 12, 125080 Москва, Россия, iavolga@mail.ru

Исследуется правовое регулирование физического принуждения при производстве процессуальных действий по законодательству Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный процесс; физическое принуждение; процессуальные действия; криминалистика.

Как показывает изучение следственной и судебной практики, достаточно часто подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие не исполняют свои процессуальные обязанности, отказываются выполнять законные требования следователя, дознавателя. Как правило, такие ситуации возникают в случаях противодействия расследованию, когда участники уголовного процесса активно или пассивно препятствуют

производству процессуальных действий, оказывают сопротивление, мотивируя свое поведение нежеланием подчиниться. В других случаях, демонстрируя подобное поведение, они апеллируют к конституционным нормам о неприкосновенности личности, недопустимости насилия, унижения чести и достоинства, правом не свидетельствовать против самого себя. Это серьезно затрудняет установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В большинстве случаев подобные конфликтные ситуации разрешить традиционными тактическими приемами, основанными на убеждении и уговорах, стало практически невыполнимо.

Так, в последние годы получили широкое распространение случаи отказа подозреваемых, обвиняемых предоставить образцы для сравнительного исследования следов преступления (ст. 202 УПК РФ), а также свое тело для осмотра (ст. 179 УПК РФ). Тогда лица, осуществляющие расследование, оказываются перед выбором: 1) не производить данные следственные действия (как правило, их результаты являются наиболее значимыми по уголовному делу и, соответственно, их непроизводство означает заведомое неполучение доказательств); 2) производить эти следственные действия, прибегнув к мерам физического принуждения для обеспечения их производства (что остается за рамками уголовно-процессуального закона). Заметим, что существует возможность получения образцов для сравнительного исследования посредством оперативно-розыскной деятельности. Однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения, поскольку споры о допустимости использования в доказывании образцов, полученных таким путем, далеки от разрешения.

Как представляется, сложившаяся практика обусловлена прежде всего недостатками в законодательном регулировании правоотношений, возникающих в уголовном судопроизводстве, а также в целом низким уровнем юридической культуры общества. Всевозможные дискуссии в СМИ и на страницах юридической печати о приоритете прав, свобод и интересов личности все чаще навеяны подменой понятий, прямолинейным толкованием норм права, общепринятых норм морали и нравственности.

Права и свободы, определяющие правовой статус личности в обществе – право на достоинство личности, недопустимость насилия, право на свободу и личную неприкосновенность, право защищать свои права и свободы не запрещенными законом способами, право обвиняемого не доказывать свою невиновность, право не свидетельствовать против себя и др. (гл. 2 Конституции РФ) не могут существовать в отрыве от других не менее значимых конституционных положений: осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3

ст. 17 Конституции РФ); права и свободы человека могут быть ограничены в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Обратимся к вопросу о возможности применения мер физического принуждения в процессуальной деятельности в свете конституционных гарантий неприкосновенности личности, недопустимости насилия, унижения чести и достоинства и свидетельского иммунитета. С одной стороны, физическое воздействие на личность недопустимо (ст. 9, 10, 164 УПК РФ), с другой – использование физической силы как средства, обеспечивающего фактическое производство процессуального действия, является правомерным. Например, когда речь идет о мерах процессуального принуждения: задержании, заключении под стражу в качестве меры пресечения, приводе.

Данная проблема в равной степени актуальна не только для тех случаев, когда при расследовании уголовного дела возникает необходимость принудительного проведения того или иного следственного действия, но и в ситуациях, внезапно возникающих при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Потребность в использовании физического воздействия возникает, например, когда подозреваемый, обвиняемый пытается уничтожить предметы или документы, имеющие значение для дела, в ходе осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Если во время принудительного доставления задержанный пытается совершить нападение на сотрудника правоохранительных органов, причинить себе вред или скрыться, также возникает необходимость применения физического воздействия. Кроме того, практически невозможно заранее предугадать поведение участников процесса, связанное с оказанием противодействия, сопротивления лицам, осуществляющим расследование. В связи с этим для нейтрализации, пресечения таких действий у следователя и дознавателя должно быть право применения физической силы.

Представляется важным акцентировать внимание на том, что следователи недооценивают значимость положений ч. 4 ст. 21 УПК РФ о том, что требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, в том числе вынесенные постановления о производстве процессуальных действий. При разъяснении участникам процессуальных действий их прав, обязанно-

стей и ответственности акцент на этом, как правило, не делается, не разъясняется правомерность применения мер физического принуждения в случае отказа выполнить законные требования следователя. Приведенный ниже сравнительный анализ уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет утверждать, что последнее право следователя буквально не установлено в специальных нормах за исключением отдельных статей.

<i>УПК Российской Федерации</i>	<i>УПК Республики Беларусь</i>
ч. 5 ст. 56 допускает возможность производства принудительного освидетельствования свидетеля, если оно необходимо для оценки достоверности его показаний	ч. 2 ст. 206 устанавливает, что в случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего они могут быть освидетельствованы принудительно
ч. 2 ст. 113 определяет, что привод состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю или в суд	п. 29 ст. 6 определяет, что привод – это принудительное доставление лиц, не явившихся без уважительных причин по вызову в орган, ведущий уголовный процесс
ч. 13 ст. 182 содержит требование о фиксации в протоколе обыска сведений, были ли изъяты обнаруженные при обыске объекты принудительно	ч. 2 ст. 212 содержит требование о фиксации в протоколе обыска или выемки сведений, были ли обнаруженные предметы, документы и ценности, выданы добровольно или изъяты принудительно
ч. 5 ст. 183 устанавливает, что в случае отказа выдать предметы и документы, подлежащие изъятию, следователь производит выемку принудительно	ч. 8 ст. 210 устанавливает, что в случае отказа выдать предметы и документы, подлежащие изъятию, следователь, лицо, производящее дознание, производят выемку принудительно

Во всех остальных случаях право следователя, дознавателя на применение мер физического принуждения в качестве обеспечивающих производство процессуальных действий является логическим, закономерным, как собственно и разъяснение истинного содержания права не свидетельствовать против самого себя. Здесь, что называется, приходится следовать не букве, а духу закона. По большому счету, невыполнение законных требований следователя, дознавателя, неисполнение своих процессуальных обязанностей независимо от причин, побуждающих к таким действиям, является правонарушением. И здесь вопрос не столько в том, чтобы предусмотреть ответственность за данное правонарушение, сколько определить меры, позволяющие преодолеть такое

противодействие, иначе говоря, применить меры физического принуждения как средство, обеспечивающее производство процессуальных действий. Безусловно, в законе необходима специальная норма, в которой бы определялось понятие таких мер, основания, порядок и субъекты их применения, перечислены лица, в отношении которых допустимо применение таких мер.

Неподчинение законным требованиям и решениям следователя, дознавателя, наличие постановления следователя, например, о производстве отдельного следственного действия, участники процесса не связывают с возможностью применения к ним мер физического принуждения. Здесь важно и то, что законодатель на этот счет не устанавливает никаких требований, законом не предусмотрена юридическая сила постановления следователя. Отсюда участники процесса не имеют ясности, что означает фраза «постановление следователя обязательно для исполнения», какие последуют последствия в случае отказа исполнения законного требования следователя, законодатель не уточняет.

Как представляется, в уголовно-процессуальном законе должна быть норма, предусматривающая возможность применения мер физического принуждения в отношении участников процесса, которые отказываются исполнять процессуальные обязанности или законные распоряжения следователя, дознавателя при производстве обыска, выемки, осмотра, освидетельствования, получения образцов для сравнительного исследования, судебно-психиатрической и судебно-медицинской экспертизы и других процессуальных действий.

Физическая сила может реализовываться исключительно после разъяснения лицу его процессуальной обязанности, когда средства психического воздействия (убеждение, предупреждение об использовании силы, предупреждение о возможности наложения денежного взыскания за неисполнение процессуальных обязанностей) не оказали должного эффекта, а достичь цели следственного действия иным путем невозможно. Эти факты подлежат фиксации в протоколе следственного действия.

Следует также предусмотреть исключительные случаи, когда использование физического принуждения допустимо при производстве любого следственного действия, причем без принятия мер убеждения и предварительного предупреждения (например, попытка лица уничтожить предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела). Все остальные случаи применения физического воздействия в процессе расследования следует считать незаконными, а значит, недопустимыми.